

Глава 37. Утихомирив бурю

Ничем хорошим это и впрямь не кончилось. Правда, на сей раз — для Су Цзытяня.

На следующий же день Ду Сяньюнь попросту запер его дома, велел корпеть над заданиями, а сам ушёл по делам. Но стоило наставнику скрыться за порогом, как Цзытянь, не желая смиряться, принялся в отместку переворачивать всё в доме вверх дном.

И надо же было такому случиться: за книжным шкафом он наткнулся на припрятанный кувшин настойки из цветов персика.

Поначалу мальчишка лишь макнул в неё палец и лизнул — сладко. А потом...

Тем же днём, едва успокоив Ян Ихая, Юй Чуцю поспешил в поместье Тиду Суна. Он надеялся, что Сун Юньфэй, который обычно проводил дни в лагере, ничего не заметит, и достаточно будет лишь объясниться с управляющим.

Однако стоило ему тайком проскользнуть через заднюю калитку, как его тут же перехватил дежуривший там управляющий Си.

— Ах, господин Юй, да где же вы пропадали?! Молодой господин и барышня всё утро проплакали, а хозяин просто вне себя от гнева!

Чуцю попытался было оправдаться, на ходу направляясь к кабинету. Управляющий семенил следом, не умолкая:

— И надо же было такому совпадению случиться: сегодня у хозяина как раз выдался выходной. Утром он спросил о вас, и я честно ответил, что вы не явились. Сначала господин Сун не рассердился, даже сказал, что погода чудесная и он сам сводит детей погулять. Но стоило им вернуться, как малыши зашлись в плаче, и никто не может их унять. Уже полчаса рыдают, барышня голос сорвала, всё «матушку» зовёт... Сердце кровью обливается, — такие крохи, а уже сироты.

Услышав это, Юй Чуцю прибавил шагу. Пока они говорили, подошли к дворику Сун Цяня и Сун Ли. Ещё из галереи до Чуцю донеслись надрывные, хриплые крики.

Странное, необъяснимое чувство кольнуло сердце, но он тут же отмахнулся от него.

— Управляющий Си, ступайте, я позже сам приду к господину Суну с извинениями.

Не дожидаясь ответа, Чуцю подхватил полы халата и вбежал во двор.

Едва он распахнул дверь, дети разом оттолкнули слуг, спрыгнули с кровати и бросились к нему. Босые, заплаканные, они тянули ручонки, требуя, чтобы он их обнял.

Глядя на их опухшие глаза и личики, по которым поверх старых дорожек катились новые слёзы, Юй Чуцю почувствовал острую боль. Мучаясь чувством вины, он прижал детей к себе и принялся ласково баюкать, пока те наконец не уснули. Лишь тогда он смог подняться и отправиться на поиски Сун Юньфэя.

Стоило ему войти в сад, как он увидел командующего. Тот сидел в одиночестве в беседке и угрюмо пил; на каменном столе в беспорядке валялось больше десятка пустых кувшинов.

Юй Чуцю тихо подошел, не смея садиться, и замер рядом, ожидая нагоняя от начальства.

Сун Юньфэй даже не обернулся. Запрокинув голову, он жадно приложился к кувшину. Он был мертвецки пьян.

— Господин Юй, присаживайтесь. Выпейте со мной.

С этими словами он грубо притянул Чуцю к себе, заставил сесть и всучил ему вино.

— Тиду, — в замешательстве проговорил тот, — я не умею пить.

Сун Юньфэй снова глотнул, залив вином весь ворот:

— Господин Юй, вы женаты?

— Я... пока не собираюсь заводить семью, — Чуцю не знал, как и подступить к этой теме.

— Пора бы уже. Вам ведь девятнадцать? Не мальчик уже...

— Да. — При воспоминании о сегодняшнем утре на сердце у Юй Чуцю навалился тяжкий камень, мешая дышать.

Глаза Сун Юньфэя покраснели, голос дрогнул:

— Сегодня годовщина смерти моей жены.

Чуцю опешил.

— Ваши черты... вы глазами на неё очень похожи. Потому и дети так... Не принимайте близко к сердцу.

— Что вы, ни в коем случае, — Чуцю поспешно вскочил. — Это я сегодня пренебрёг своими обязанностями, прошу прощения. Я готов принять любое наказание.

Сун Юньфэй отмахнулся:

— Мою жену отравила кормилица. С тех пор в этом доме нет женщин. Одни вояки-неотесанные, за детьми присмотреть некому. Вы человек ученый, впредь прошу вас, позаботьтесь о них.

— Разумеется. Не беспокойтесь об этом, господин Тиду.

Сун Юньфэй кивнул и осушил кувшин одним махом, словно вознамерился упиться до смерти. Чуцю не выдержал и, нарушив приличия, выхватил сосуд из его рук.

— Довольно, господин Тиду, вы только вредите себе. Мёртвых не вернуть, смиритесь. Позвольте, я помогу вам дойти до покоев.

Сун Юньфэй был настолько пьян, что едва держался на ногах. Пошатываясь, он оперся на плечо Чуцю, и тот довёл его до спальни.

Навстречу им тут же выскочил слуга и помог уложить хозяина на кровать. Укрыв господина одеялом, малый обернулся и увидел Чуцю. Тот стоял у постели, вытирая рукавом пот со лба; от усталости и духоты его щеки покраснелись, а промокшие на висках пряди волос придавали ему особенное очарование. Слуга невольно покраснел и замер, уставившись на гостя.

Заметив его странный взгляд, Чуцю спросил:

— Что-то ещё? Если нет, я пойду.

Мальчишка спохватился:

— Ой, господин, подождите минутку, прошу вас! Я сейчас принесу горячей воды для хозяина, я мигом!

Чуцю кивнул, и слуга, поклонившись, выбежал вон.

Оставшись один, Юй Чуцю присел на стул возле кровати. Сун Юньфэй метался в бреду, то и дело бормоча: «Жена... жена...» — слушать это было невыносимо. При очередном повороте

одеяло сползло на пол.

Чуцю из добрых побуждений встал, чтобы поправить его. Сун Юньфэй внезапно очнулся и мёртвой хваткой вцепился в его руку. Взгляд его был полон безумного неверия:

— Хуэйфэй?! Это ты? Неужели ты вернулась? Не уходи, не оставляй меня, я так тосковал!

— Господин, я не ваша жена, вы обознались, — Чуцю пытался высвободить руку, сохраняя терпение.

Но стоило ему начать вырываться, как реакция Сун Юньфэя стала ещё яростней. Он схватил Чуцю за предплечье, рывком повалил на кровать и, навалившись сверху всем телом, принялся осыпать поцелуями, пока его опытные руки уже всюду распускали завязки на одежде юноши.

Чуцю не на шутку испугался. Сгорая от стыда и паники, он одной рукой пытался удержать ворот халата, другой — прикрыть рот, но сил явно не хватало. В считанные мгновения Сун Юньфэй сорвал с него верхнее платье и бесцеремонно полез под нижнюю рубаху.

— Тиду! Очнитесь! Я не ваша жена! Я — Юй Чуцю!

Чуцю убрал руку от лица, изо всех сил стараясь оттолкнуть навалившееся на него тяжелое тело. Но стоило ему вскрикнуть, как Сун Юньфэй тут же поцеловал его. В смятении Юй Чуцю лишь отчаянно крутил головой, уклоняясь от поцелуев. Тщательно уложенные волосы в этой борьбе рассыпались по подушке черным шелком, что в глазах пьяного воина сделало его ещё соблазнительнее. Хрупкий ученый был не ровня закалённому в боях генералу.

Чуцю бился из последних сил, но тщетно. Чем сильнее он сопротивлялся, тем тяжелее дышал Сун Юньфэй. Юноша почти задыхался от густого запаха вина, исходившего от нападавшего — казалось, им можно было опьянеть, просто вдыхая его.

Наконец, отбросив гордость, Чуцю в отчаянии закричал:

— Помогите! Кто-нибудь, сюда!

Как раз в этот момент слуга с тазом горячей воды показался в дверях. От увиденного он вздрогнул: таз с грохотом упал на пол, залив всё вокруг.

Чуцю поднял взгляд:

— Что ты стоишь?! Быстро, помоги оттащить его!

— А... да... — малый, опомнившись, робко подбежал к кровати.

Но он был лишь жалким слугой и не смел грубо касаться господина. Толку от его помощи не было никакого. Напротив, Сун Юньфэй, разозлившись, что ему мешают, перехватил Чуцю за тонкую талию и с треском разорвал на нём исподнее, намереваясь взять силой.

Мальчишка, никогда не видевший хозяина в таком состоянии, впал в оцепенение и замер у постели, дрожа всем телом.

Юй Чуцю внезапно перевернули на живот. Прежде чем он успел вскрикнуть, спину обдало холодом. Осознав, что одежда разорвана, он обернулся и увидел, что Сун Юньфэй уже покрывает поцелуями его обнаженную кожу.

Гнев, копившийся в груди, выплеснулся наружу. Чуцю со всей силы лягнул Сун Юньфэя в бедро, извернулся и наотмашь влепил ему звонкую пощечину. Удар был таким мощным, что ладонь самого Чуцю мгновенно онемела.

Эта оплеуха заметно протрезвила Сун Юньфэя, но он всё равно продолжал пялиться на юношу, точно голодный волк.

Чуцю никогда еще не был в такой ярости. Схватив обрывки одежды, он бросился к выходу.

В дверях он едва не сбил с ног прибежавшего на шум управляющего.

Увидев его «многозначительную» мину и удивленный взгляд, Юй Чуцю вдруг захотел рассмеяться. Едва сдерживая дрожь в голосе, он бросил управляющему:

— Когда Тиду проспится, передайте ему: на эту работу я не гожусь! Пусть поищет другого «умельца»! Честь имею!

Не заботясь о том, как он выглядит в растерзанном платье и с растрепанными волосами, он в негодовании вылетел из поместья Тиду.

Лишь отойдя на несколько шагов, Чуцю заметил, что прохожие вовсю глазят на него. Сгорая от стыда и мечтая провалиться сквозь землю, он нырнул в ближайший переулок и там, дойдя до самого тупика, принялся трясушимися руками приводить в порядок одежду.

Его так трясло, что он долго не мог справиться с завязками. Наконец Чуцю сдался. Он прислонился к стене и медленно сполз на корточки, спрятав лицо в коленях. Плечи его мелко вздрагивали, он судорожно вцепился в ткань халата.

Прямые черные волосы рассыпались по камням мостовой, окутывая его худощавое тело

мягким коконом, точно материнские объятия.

Чуцю не знал, сколько просидел там. Когда он поднял голову, шумная улица уже затихла. В безлюдном переулке остались лишь он да сияющая в небе луна. Холодный свет отражал его тонкую фигуру на камнях, вытягивая длинную тень.

Юй Чуцю медленно поднялся, разминая затекшие ноги, заново перевязал волосы и, опираясь о стену, пошёл прочь.

Добравшись до пристани, он увидел Ян Ихая. Тот стоял на палубе парома и выглядел до крайности встревоженным. Не дожидаясь причала, Ихай растолкал пассажиров и прыгнул на берег. Он бросился бежать, даже не расплатившись с лодчиком, который вцепился в него мертвой хваткой.

Нетерпеливо отмахнувшись, Ян Ихай полез в рукав, швырнул горсть медяков и со всех ног помчался вперед.

Чуцю хотел было окликнуть его, но Ихай и сам его заметил.

Он подлетел к нему, схватил за плечи и рявкнул прямо в лицо:

— Ты где был?! Я места себе не находил!

Чуцю, опешив от этого крика, испуганно уставился на него. Но, заглянув в его паникующий взгляд, вдруг с облегчением улыбнулся:

— В пути задержался. Прости, что заставил волноваться.

— Задержался — так передал бы весточку! Ты хоть знаешь, который час?! У меня весь вечер правый глаз дергался! Если бы ты не явился сейчас, я бы это поместье Тиду по бревнышку раскатал! — Ихай ворчал, отводя взгляд, а сам краснел до кончиков ушей.

Чуцю коснулся его ладони и вздрогнул. Руки Ян Ихая дрожали куда сильнее его собственных и были холодными, точно у мертвеца. Сердце Чуцю затопила нежность; он внезапно обнял Ихая, и голос его пресекся:

— Глупец... вечно ты себе невесть что навоображаешь. Со мной всё в порядке.

Ошеломленный Ихай на миг замер, а затем сжал Чуцю в объятиях так крепко, словно хотел

врасти в него. Он зарылся лицом в изгиб его шеи, жадно вдыхая родной аромат Цзимо.

— Прости меня... — прошептал Чуцю.

Ян Ихай недоуменно отстранился:

— За что?

Чуцю не смел поднять взгляд. Крепче сжав его ладонь, он запинаясь произнес:

— За прошлую ночь... за то, что я так с тобой поступил...

Ихай замялся и занервничал.

— Ты, должно быть, затаил на меня обиду? — тихо продолжал Чуцю. — Ихай... я всё заглажу...

Ян Ихай всё понял превратно и вскипел, вырывая руку:

— Что сделано, то сделано, как ты это загладишь?! Моя честь попраана! Никакие возмещения не принимаются!

— Ну... если хочешь... можешь в следующий раз быть сверху... — голос Чуцю сошёл на нет.

— Правда?!

— Нет.

Юй Чуцю мимолетно усмехнулся, и горечь на душе мгновенно развеялась. Оставив вконец опешившего Ян Ихая, он неспешно зашагал к лодке.

<http://bllate.org/book/17540/1708306>